

СЕРДЮКОВ Юрий Михайлович

**НЕРЕФЛЕКСИВНЫЕ ФОРМЫ ПОЗНАНИЯ
И ПРОБЛЕМА РАЗДЕЛЕНИЯ ВСЕХ ВЕЩЕЙ
НА PHAENOMENA И NOUMENA**

Специальность 09.00.01 - онтология и теория познания

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

**диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

Работа выполнена на кафедре философии Московского педагогического государственного университета

Научный консультант: доктор философских наук,
профессор МИКЕШИНА Л.А.

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор ДУБРОВСКИЙ Д.И.

доктор философских наук,
профессор МЕТЛОВ В.И.

доктор философских наук,
профессор МАМЕДОВ Н.М.

Ведущая организация – Московский государственный институт стали и сплавов (технологический университет).

Защита состоится «18» мая 1998 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 053.01.05 в Московском педагогическом государственном университете по адресу: 117571, Москва, проспект Вернадского, д.88, ауд. 818.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского педагогического государственного университета по адресу: 119882, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1.

Автореферат разослан «8» 04 1998 года.

Ученый секретарь
диссертационного
совета

МИХАЙЛОВ В.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Актуальность диссертационного исследования во многом определяется его центральной темой - отношением субъекта и объекта в процессе познания.

В истории западной философии этот основной вопрос гносеологии интерпретировался по-разному, и теперь всякое новое обращение к нему обычно сопровождается указанием позиций, "силовых линий" и смысловых полей, задающих общий тон и направление философского дискурса. Таких направлений в современной философии существует множество и почти каждое из них предлагает свой вариант постановки и решения проблемы. Несовпадение векторов движения мысли исследователей, разнообразие непосредственных объектов анализа и некоторые другие факторы стали причиной превращения вопроса об основном гносеологическом отношении человека к миру в чрезвычайно сложную, многоуровневую и комплексную проблему, в рамках которой противопоставление одного из имеющихся направлений другому (или другим) как "правильного" и "единственно верного" не считается корректным.

Поэтому, не отрицая у разнообразных систем и течений современной философии значительных и несомненных достижений в указанной сфере, я решил подойти к ней с некогда предложенных Кантом позиций, и остановив внимание на основном положении трансцендентального идеализма - тезисе о возможности разделения всех вещей на *phaenomena* и *noumena*, предложить вариант, сочетающий классическую постановку вопроса с концепцией нерефлексивных форм познания (далее - НФП).

Если актуальность ключевого пункта теории познания для специалиста -гносеолога вполне очевидна, то концепция НФП, кажется, на страницах настоящей работы выдвигается и формулируется впервые, а потому требует упреждающих основной текст пояснений.

Под понятие "нерефлексивные формы познания" в диссертации подводятся магия, мантика и мистицизм. Исходной причиной объединения этих, столь разнородных явлений, под эгидой концепции НФП стало несо-

ответствие используемых ими методов получения информации канонам европейской науки. Некоторое время назад казалось, что поразительные успехи научного знания, в том числе и создание искусственного интеллекта, окончательно подорвут престиж знания ненаучного и приведут к его полному вытеснению в область истории человеческой мысли. Однако последние два с половиной столетия развития европейской культуры, как раз наоборот, отмечены неуклонным возрастанием интереса к нерелексивным формам познания.

Весьма условно начало этого процесса можно датировать второй третью 18 века, когда в одной из работ "докритического" периода Иммануил Кант выступил в печати с разъяснением своей позиции относительно мистических откровений Э.Сведенборга. Полемическая по своей сути книга Канта почти полностью лишена категорических оценок, и кенигсбергский мыслитель, обосновывая преимущество философского и естественнонаучного знания перед мистикой, допускает существование феноменов, лежащих за пределами непосредственного чувственного восприятия, в сфере личного религиозного опыта.

С тех пор знание о магии, мантике и мистицизме существенно пополнилось введением в научный оборот значительного объема достоверной информации об их сущности, исторических и культурных формах. Этнография, этнология, психология, культурная антропология, сравнительное религиоведение, другие науки об обществе и человеке открыли материал, исключаяющий однозначно-негативную оценку НФП и пренебрежительное к ним отношение. Сопоставление некоторых ключевых положений релятивистской физики с архаическими и древнекитайскими представлениями выявило близость их позиций в истолковании движения, пространства и времени, субстанциальной основы сущего, а также других системообразующих параметров картины мира. В распоряжении философии оказался материал, позволяющий по-новому оценить место магии, мантики и мистицизма в структуре познавательного отношения человека к миру.

В соответствии с общим определением позиции гносеологии в отношении НФП формулируется цель диссертации, заключающаяся в исследовании проблемы разделения всех вещей на *phaenomena* и *noumena*¹ в контексте концепции нереплексивных форм познания.

В этой связи на передний план выдвигаются следующие задачи:

- определение границы рефлексии и обозначение сферы и признаков нереплексивного;
- выбор и обоснование методологии и непосредственных объектов исследования;
- исследование процесса формирования представлений о ноуменальном в европейской философии;
- характеристика конкретно-исторических НФП и соответствующих им форм рефлексии, а также описание некоторых типов отношений между ними;
- сравнение различных НФП с целью выявления их общих признаков;
- сопоставление ключевых теоретических позиций соответствующих НФП типов рефлексии между собой и с некоторыми современными представлениями о мироустройстве для решения вопроса о степени достоверности извлекаемой из НФП информации.

Степень разработанности проблемы. Из постановки вопроса ясно, что его исследование не могло быть начато до опубликования «Критики чистого разума», поскольку формулировка идеи разделения всех вещей на *phaenomena* и *noumena* принадлежит Канту и изложена на страницах этого его трактата. И хотя исторические корни проблемы можно без труда обнаружить в глубокой древности, систематическое изучение различных ее аспектов следует датировать не ранее чем концом 18 века, когда в 1785 году Якоби в своей полемике с Мендельсоном о пантеизме Спинозы выступил против рассудочного рационализма Просвещения вообще, и философии Канта, в частности.

¹ Термины *phaenomena* и *noumena* употребляются в кантовской интерпретации. Под феноменальным (*phaenomena*) понимается явление и производные от него конструкции, под ноуменальным (*noumena*) – вещь «сама-по-себе», трансцендентальный субъект (душа) и высший сакральный объект (Бог).

С тех пор течение, названное «иррационализмом» и обозначающее комплекс разнообразных философем и направлений, сосредоточилось на исследовании процессов и феноменов, выходящих за пределы рациональных структур ментальности. Из всего многообразия представленных в иррационализме концепций идеям диссертации ближе всего интуитивизм А.Бергсона и Н.О.Лосского.

Формированию способа видения проблемы и организации ее концептуального каркаса в немалой степени способствовало знакомство с трудами Эдуарда фон Гартмана, Карла Дю-Преля, Уильяма Джемса, Семена Людвиговича Франка, последовательно развивавших идею соотношения феноменальных и ноуменальных структур Универсума в предложенном Кантом ракурсе, а также разработавших основные направления в решении вопроса о способе постижения бытия.

Комплекс проблем, связанных с организацией внутреннего мира личности, детально разработан в трудах Зигмунда Фрейда (психоанализ), Карла Густава Юнга (аналитическая психология), Станислава Грофа (трансперсональная психология), где, несмотря на безусловную самостоятельность каждого из авторов и наличие в текстах значительного числа несогласующихся между собою позиций, четко прослеживается постепенное движение современной психологии от наиболее близких к осознанному структур внутреннего мира субъекта к его глубинам, что, например, явствует из сопоставления фрейдовской идеи о бессознательном как вытесненном (латентном) с юнгианским тезисом об архетипах коллективного бессознательного и исследованиями С.Грофом пренатального и перинатального опыта. Особой строкой здесь следует выделить идею Юнга о врожденных психических структурах личности (архетипах), безусловно согласующуюся с истолкованием Кантом трансцендентальных оснований личности, и, с точки зрения гносеологии, являющуюся дальнейшим развитием и конкретизацией кантовских идей². Основные принципы организации ин-

² Влияние трансцендентального идеализма на аналитическую психологию неоднократно отмечалось ее исследователями. Говорил об этом и сам Юнг.

теллекта и его критерии были исследованы Ж.Пиаже и его соавтором Б.Иньельдер в специально посвященных этой теме работах. Специфика измененных состояний сознания представлена в работе Ч.Тарта. Там же описаны способы превращения базовых состояний в измененные.

На формирование концепции НФП существенно повлияли труды, содержащие философское осмысление идей классической рациональности. Это работы по методологии науки, принадлежащие перу А. Пуанкаре, К.Поппера, Т.Куна, П.Фейерабенда, других современных представителей релятивизма, фаллибилизма, революционной эпистемологии и проч. Одним из последних достижений этого направления философии за рубежом стоит считать идеи К.Хюбнера, а в отечественной философии - формирование под эгидой ИФ РАН Центра по изучению немецкой философии и социологии (Т.И.Ойзерман, И.Т.Касавин, В.А.Лекторский, В.Н.Порус, В.С.Степин и др.) с момента своего основания в 1990 году подготовившего цикл материалов, содержащих как квалифицированные переводы древних, средневековых и современных авторов и комментарии к ним, так ряд основательных статей и докладов, посвященных соотношению научных и вненаучных форм мышления.

Проблема рефлексии, получившая самостоятельное звучание еще в трудах Аристотеля и отраженная во многих произведениях европейской философской классики (Локк, Лейбниц, Кант, Гегель и др.), в современной отечественной философии особенно активно разрабатывалась учеными СО РАН, подготовившими на протяжении последних лет ряд сборников научных статей («Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования», «Рефлексивные процессы и творчество», «Модели рефлексии» и др.). Ее изучали: Н.Г.Алексеев, В.В.Давыдов, Д.И.Дубровский, А.З.Зак, И.С.Ладенко, В.А.Лефевр, И.Н.Семенов, С.Ю.Степанов, В.А.Лекторский, А.Марк, Ю.А.Шрейдер, П.Г.Щедровицкий и др. Проблема нерефлексивного была разработана Т.П.Матяш в исследовании на тему «Сознание как единство нерефлексивности и рефлексивности».

ния, принадлежащая перу Л.Леви-Брюля; д) этнологический структурализм К.Леви-Строса, обладающий глубокой философичностью и методологической целостностью идей; е) концепция И.М.Дьяконова о тропическом характере мифа.

Другая сторона первобытной культуры - магический ритуал, стала активно разрабатываться несколько позже, и здесь, в первую очередь, следует отметить работы Дж. Фрэзера и Б.Малиновского, начавших в первой трети 20 века исследование этой проблемы, а также труды В.Тэрнера, в которых сформулирована достаточно целостная концепция ритуала, отслежены его социальные функции, взаимодействие в ритуале ментальности и телесности. «Второе дыхание» разработка проблемы магии получила в исследованиях шаманизма (который и является первобытной формой магии), когда возрастание интереса к нему со стороны представителей самых разных профессий способствовало вовлечению в научный оборот значительного объема информации и было отмечено появлением работ М.Элиаде, М.Харнера, Р.Уолша. В целом, соединение современных представлений о специфике первобытной рефлексии с результатами исследований шаманских техник достижения экстаза позволило сформулировать существенные для всей концепции НФП тезисы: а) о единстве пространственно-временного континуума и его обратимости; б) о достижении в магическом ритуале единства психофизических структур личности; в) о предельной относительности категорий «внутреннее» и «внешнее» и, как следствие, о возможности «внутренними» действиями изменять состояния «внешних» тел.

Общие и специальные проблемы магического ритуала, шаманизма и мифологии нашли также отражение в трудах В.Н.Басилова, Ф.Боаса, Дж.Галифакса, Ж.Дюмезиля, Э.Дюркгейма, М.Евзлина, Т.А.Елизаренковой, В.Б.Иорданского, К.Йеттмара, К.Кастанеды, Дж.Кэмпбела, Р.Лонэй, Е.М.Мелетинского, М.Мид, М.С.Полинской, А.В.Смоляк, А.Б.Спеваковского, Э.Б.Тайлора, С.А.Токарева, О.М.Фрейденаберг, С.Г.Хук и др.

В разделе диссертации, посвященном мантическому ритуалу *ши*, сначала следует упомянуть переводы «Чжоу и» на немецкий (Р. Вильгельм) и русский (Ю. К. Щуцкий) языки, которые одновременно являются и фундаментальными исследованиями этого текста. Они содержат обоснованные и развернутые концепции канона, и уже приобрели в современной ицзинистике статус классических. И если в книге Рихарда Вильгельма наиболее привлекательной стороной является наличие перевода комментирующей части канона («*И да чжуань*») и разъяснений, выполненных на основании изучения произведений виднейших ицзинистов эпохи Сун - Чэн И-Чуана и Чжу Си, то в произведении Ю. К. Щуцкого более всего импонируют безукоризненный перевод памятника на русский язык с вэньяна, изложение истории ицзинистики (как западной, так и восточной) с момента ее возникновения до начала 30-х годов 20-го века (т.е. более чем за двухтысячелетний период развития), рационалистическое истолкование канона.

В отличие от метафизической и натурфилософской стороны «Чжоу и», в западной синологии проблемы ахилеомантики (гадание на стеблях тысячелистника), скапулимантики (гадание на костях животных) и пластромантики (гадание на черепаших панцирях) стали исследоваться значительно позже, и их систематическое изучение следует, вероятно, датировать началом семидесятых годов двадцатого века. С тех пор по этой теме был опубликован ряд научных трудов, состоялось несколько международных конференций (Чикаго, 2-4 марта 1982 г.; Беркли (Калифорния), 20 июня - 1 июля 1983 г.). В отечественной синологии обязательно стоит отметить статьи С. В. Зинина, в зарубежной - работы Лю Дацзюня и Чжан Ячу в соавторстве с Лю Юй, Д. Н. Кейтли, М. Калиновского, Д. Хук, Дж. Ли, Лю Да. В этом ряду выделяется фундаментальное исследование Лю Дацзюня, содержащее богатейший материал по истории мантического ритуала *ши* и способам его интерпретации мыслителями эпох Хань, Тан и Сун.

Методологические особенности классической китайской философии и культуры, базирующиеся как и мантический ритуал *ши* на принципах «Канона Перемен» и позволяющие объяснить феномен его эффективного

функционирования в смысловом поле традиционной идеологии и менталитета, являются основной темой произведений М.Гране, Дж.Нидэма, А.Грэма, Н.Сивина - на Западе, и В.С.Спирина, А.М.Карапетьянца, А.Е.Лукьянова, Г.В.Ткаченко и А.И.Кобзева - в России. Произведения последнего из названных авторов, особенно его монографию «Учение о символах и числах в китайской классической философии», следует выделить особо, поскольку, а) будучи созданными в 80-х - начале 90-х годов, работы А.И.Кобзева впитали в себя основные достижения этой сферы синологии; б) они достаточно информативны и затрагивают различные проблемы ицинистики; в) выдвигаемая автором концепция об учении о символах и числах (*сян шу чжи сюэ*) как формальной методологии классической китайской философии весьма убедительна и, кажется, не вызывает среди специалистов сколь-либо существенных возражений.

Другой существенной особенностью текстов названных выше авторов является то, что они содержат реконструкцию традиционных китайских представлений об Универсуме, месте и роли в его структуре человека. Что же касается важнейшей для НФП проблемы времени в китайской культуре, то она, помимо уже обозначенных работ, весьма детально разработана в трудах Ю.Л.Кроля, Гельмута Вильгельма, К.Ларра, Чжэн Чжуньина и других исследователей этого вопроса. И, конечно, важнейшими источниками по данной теме явились сами произведения древнекитайских авторов.

Помимо уже названных имен, проблемами китайской философии и культуры в близком к теме диссертации аспекте занимались: Л.С.Васильев, Г.Э.Горохова, К.И.Голыгина, А.Б.Говенда, Т.П.Григорьева, С.Д.Давыдов, Н.И.Конрад, В.В.Малявин, А.С.Мартынов, К.Месаксуди, Р.Нэвилл, Пань Цимо, А.А.Петров, Сэм Рейфер, Т.В.Степугина, Э.С.Стулова, М.Л.Титаренко, Е.А.Торчинов, А.И.Фалев, Э.М.Яншина и др.

Отличие текстологической базы раздела, посвященного генезису проблемы познания в Европе и христианскому мистицизму, заключается в преимущественной опоре на первоисточники: произведения античных ав-

торов, отцов латинской патристики, средневековых мистиков и схоластов. В первую очередь, это фрагменты, приписываемые традицией Пифагору и ранним пифагорейцам, произведения Демокрита, Аристотеля, Платона, Диогена Лаэртского, Секста Эмпирика, Дионисия Ареопагита, Бозция, Рэйсбрука Удивительного и Мейстера Экхарта, проповедям которого принадлежит ключевое значение в формировании представлений о существе мистического мирозерцания и пути мистика к Богу.

Теоретической опорой при разработке этой проблемы стали, во-первых, работы исследователей античной и средневековой философии, мифологии и культуры. К ним относятся произведения С.С.Аверинцева, В.Ф.Асмуса, Ж.П.Вернана, В.Виндельбанда, А.Я.Гуревича, Л.Я.Жмудя, Ф.Х.Кессиди, А.Ф.Лосева, С.Я.Лурье, Г.Г.Майорова, А.Б.Рановича, Р.В.Светлова, М.Г.Селезнева, К.А.Сергеева, Я.А.Слинина, В.В.Соколова, и др.

Во-вторых, религиозно-философские трактаты и исследования по философии религии. Здесь обязательно следует упомянуть имена Т.И.Буткевича, Г.В.Ф. Гегеля, Ж.-М.Гюйо, Ю.А.Кимелева, А.М.Клигина, Ле-Руа, М.В.Лодыженского, А.Меня, Макса Мюллера, Д.Робинсона, Сабатье, Б.Спинозы, П.Тиллиха, Л.Фейербаха, Р.Штейнера и др.

Научная новизна диссертационного исследования, по мнению автора, заключаются в следующем:

- в постановке вопроса и выборе направления исследования, что проявляется в изучении основного гносеологического отношения в контексте концепции нерелексивных форм познания;
- в выдвижении и разработке концепции нерелексивных форм познания, выделении их общих признаков, общекультурных и конкретно-исторических форм, а также в обосновании тезиса об НФП как альтернативе деления реальности на *phaenomena* и *noumena*;
- в обосновании положения, согласно которому непременным условием эффективного функционирования НФП является их соответствие исторически определенным типам рефлексии с доминирующими идеями

субстанциального единства мира, подобия микро- и макрокосмов, многомерности и неразрывности пространственно-временного континуума, относительности дихотомии внутреннее/внешнее и возможности их взаимопревращения;

- в выявлении особенностей процесса формирования в европейской философии представлений о трех типах ноуменальных объектов;
- в выделении двух универсалий первобытной культуры, структурирующих отношение индивида к Универсуму (прежде всего, - гносеологическое) на феноменальном и трансцендентальном уровнях;
- в обосновании необходимости применения в теории познания методологии компаративной философии, а также в реализации этой идеи, что проявляется в привлечении материала из области первобытной и древнекитайской культуры для решения основной проблемы гносеологии в ее интерпретации И.Кантом;
- в выделении традиционных и научных оснований достоверности НФП.

Положения, выносимые на защиту.

1. В основе разделения реальности на *phaenomena* и *noumena* находится рефлексия, обособившая самосознание и противопоставившая его природе. Отчуждение сознания привело к возникновению в культуре представлений о раздвоенности мира и функционировании каждой из двух его частей по собственным законам: миф илей подчиняется законам по-

тики, мир материи – законам природы. Одним из наиболее существенных последствий этого процесса стало возникновение проблемы гносеологического отношения двух аспектов реальности, которая, как и противопоставление субъекта и объекта в процессе познания, имеет исторический характер и не имманентна отношению человека к миру.

2. Существуют нерerefлексивные формы познания, позволяющие преодо-

шийся характер (Европа), ее нейтрализация производится осознанно и целенаправленно. В системах, не разводящих объект познания с субъектом (первобытная культура) или полагающих европейский вариант интерпретации основного гносеологического отношения несущественным (Китай), осознаваемого снятия не происходит и нерефлексивные формы познания не противопоставляются рефлексивным.

3. Содержание понятия «нерефлексивное» близко по объему традиционным представлениям о бессознательном, которое в данном случае является сферой реализации процесса познания. Выхожение за пределы комплекса логических структур ментальности свидетельствует о незначительной степени воздействия осознанных представлений на достоверность получаемой в НФП информации. Поэтому существо магии, мантики и мистицизма определяются не интериоризацией совокупности общезначимых смыслов, а имманентными (природными) свойствами личности; для человека способность к осуществлению магических действий является врожденной; мантический ритуал по существу лишь помогает извлекать ответ на заданный оракулу вопрос из глубин собственного Я; цель мистической практики заключается в нейтрализации осознанного и достижении адептом тождества с душой, ибо Бог и душа - одно, и постижение души есть постижение Бога.
4. Методом познания в НФП является интуиция, понимаемая и как непосредственное чувственное восприятие, и как интеллигибельное явление, внечувственное восприятие некоторого спектра реальности, и как мистическая способность проникновения в глубины индивидуального сознания, постижение самости, и как интуиция интеллектуальная. Форма интуиции зависит от историко-культурных типов НФП.
5. Основными способами выражения извлекаемой из НФП информации являются символ, знак и троп (метафора, метонимия), а не понятие и основанные на нем логические конструкции. Именно поэтому в подавляющем большинстве случаев существо магии, мантики и мистицизма не может быть эксплицировано в тексте и трансляция знаний и умений тра-

диционно осуществлялась в процессе личного общения учителя с учеником.

6. Вышеизложенное означает, что нерефлексивные формы познания отличаются от рефлексивных (наука, философия, теология, мифология и проч.), во-первых, сфера реализации процесса познания – *бессознательное*, а не осознанное; во-вторых, метод познания – *интуиция* (а не дедукция, индукция и другие логически методы познания), обычно предполагающая особое состояние сознания – *бессознательное сосредоточение*; в-третьих, способ выражения – *символ, знак, и троп*, а не понятие, суждение и умозаключение.

7. В НФП наблюдается синтез чувственного и рационального моментов, о чем убедительно свидетельствует *символизм* на языковом и знаковом

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в применении методологии философского компаративизма к проблематике теории познания, выдвижении концепции нерerefлексивных форм познания и определении их общих свойств, обосновании тезиса о возможности преодоления барьера поппера.

Практическая значимость. Положения и выводы, обоснованные в диссертации, имеют мировоззренческое и методологическое значение для конкретно-научного анализа нерerefлексивных форм познания. Наряду с основным материалом диссертации они могут быть использованы при подготовке и чтении курсов по философии и истории философии, спецкурсов по первобытной и древнекитайской культуре, мистицизму, при составлении учебных программ и разработке методических пособий.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации изложены в публикациях автора, в том числе в монографии. Результаты исследования получили отражение в выступлениях на научных конференциях различных уровней: международных: «Познание и его возможности» (Москва, 24-25 мая 1994 года); всероссийских: «Человек-Философия-Гуманизм» (Санкт-Петербург, 4-7 июня 1997 года); межвузовских: Научно-теоретические конференции профессорско-преподавательского состава Камчатского государственного педагогического института и Петропавловск-Камчатского высшего морского училища в период с 1992 по 1997 год; доклад по теме диссертации «Non-reflective Forms of Cognition» принят к обсуждению на 20 Всемирном философском конгрессе (Бостон, США, 10-16 августа 1998 года), о чем получено официальное уведомление.

Некоторые положения диссертации включены в лекционные курсы, прочитанные автором в Камчатском государственном педагогическом институте и Петропавловск-Камчатском высшем морском училище. Заложенная в основу диссертации методология была использована при разработке учебного пособия «Практикум по философии», рекомендованного к печати Госкомвузом РФ (гриф № 196-124-100/07 от 03.06.1994) и опубликованного в том же году.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры философии Московского государственного педагогического университета 2 марта 1998 года (протокол № 10).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав с параграфами внутри каждой и библиографии, содержащей литературу на русском и четырех европейских языках (английском, польском, немецком, французском).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во «Введении» обосновывается актуальность темы, дается характеристика степени разработанности проблемы, формулируются цель и задачи диссертации. Здесь же выделяются новизна, определяется практическая значимость и формы апробации работы.

Первая глава - «Принципы исследования темы» - состоит из двух параграфов: §1. - «Рефлексивное и нерефлексивное»; §2. - «Метод, структура, источники».

Основное содержание и итоги *первой* главы заключаются в следующем.

Рефлексия является причиной разделения реальности на объект и субъект познания и возникновения основной гносеологической проблемы. Но процесс познания не ограничивается рефлексией и не замкнут рамками субъект-объектных отношений. Существует также нерефлексивное отношение человека к Универсуму. В нем снимается гносеологическая раздвоенность мира. Ключевой тезис трансцендентального идеализма о разделении всех вещей на *phaenomena* и *noumena* представляет собой одну из наиболее отчетливых экспликаций основной проблемы познания. Поэтому решение поставленной Кантом проблемы следует искать, обращаясь к сфере нерефлексивного.

Термин «нерефлексивное» является антонимом понятия «рефлексия», поэтому нерефлексивное не есть ни принцип человеческого мышления, направляющий его на осмысление и осознание собственных форм и предпосылок, ни предметное рассмотрение самого знания, критический анализ

его содержания и методов познания, ни деятельность самопознания, раскрывающая внутреннее строение и специфику духовного мира человека. Анализ современных концепций и классификаций рефлексии позволяет сделать вывод о значительном совпадении смысловых полей понятий "рефлексивное" и "осознанное". Отсюда первоначальное определение нереплексивного как неосознанного (бессознательного). Разведение терминов "бессознательное" и "нереплексивное" приводит к истолкованию первого как области бытия второго: нереплексивное есть процесс, бессознательное - область реализации процесса.

Нереплексивное не синонимично нереплексивному. Оно выражаемо и способом манифестации НФП в область общественной идеологии являются соответствующие им формы рефлексии. Поэтому изучение НФП и

связанных с ними проблем, в данном случае - проблемы разделения всех вещей на рациональные и иррациональные, предполагает определение специфики некоторых исторических типов рефлексии.

Подобно бессознательному, нереплексивное имманентно природе субъекта и представлено во всем многообразии культурно-исторических форм. Следует предположить, что существуют нереплексивные формы познания и ими являются магия, мантика и мистицизм. Применяемые ими способы получения информации не вписываются в европейские каноны научности и лежат за границей рефлексии, поэтому их и можно предварительно обозначить в качестве нереплексивных. Малая степень пригодности остальных дефиниций для описания НФП заключается в следующем: а) отличие вненаучных (или «ненаучных») форм познания от нереплексивных состоит уже в том, что отдельные феномены общественной идеологии, будучи ненаучными, одновременно являются рефлексивными. В качестве таких примеров можно назвать мифологию, «учение о символах и числах» в

ствуют ментальные практики, и «интуитивных»: как ни широк диапазон толкований термина «интуиция» он все же ограничен психикой и не предполагает, как магия, деятельности по изменению материальных тел. Аналогичные возражения можно отнести и к термину «иррациональное». Тем не менее, значения терминов «интуитивное» и «иррациональное» близки «нерефлексивному»; в) широко распространенный в последнее время термин «эзотерическое» неудовлетворителен по двум причинам. Во-первых, в современной отечественной культуре с ним связан предельно широкий комплекс религиозно-философских идей и течений. Во-вторых, его исходное значение «внутренний» (в противоположность - «экзотерический» - «внешний») допускает смыслы «тайный» и «направленный вовнутрь». Толкование «тайный» не подходит уже потому, что мантический ритуал «шии» таковым не являлся, а «направленный вовнутрь», достаточно точно отражающий специфику мистицизма, не соответствует магии, целью которой было преобразование предметов, находящихся «вовне»; г) точный смысл термина «мистический» соответствует весьма ограниченному комплексу преимущественно созерцательных практик (христианских, исламских, буддийских, и др.), а потому к магическому и мантическому ритуалам без искажения и натяжек он применим быть не может.

Магия, мантика и мистицизм существуют лишь в многообразии культурно-исторических форм, из всей совокупности которых объектами анализа на страницах диссертации избраны: первобытная магия, часто называемая шаманизмом; древнекитайская мантика - ритуал *ши*; католическая версия христианского мистицизма европейского средневековья.

Выбор каждой из форм не случаен. Так, например, мантический ритуал *ши* был предпочтен другим нестатистическим методам прогнозирования ввиду трех обстоятельств: 1) наличие обширной источниковой базы и многочисленных специальных трудов является надежной основой для реконструкции классической техники построения гексаграммы, адекватного воспроизведения наиболее влиятельных вариаций, и традиционных способов ее интерпретации, а также для философского осмысления ритуала *ши*; 2)

высокий авторитет мантических операций *бу* и *ши* в истории китайской культуры, фантастически быстрое его распространение в странах Запада во второй половине 20 века является достаточным основанием для серьезного осмысления этого феномена, достоверность результатов которого традиционно считалась либо превышающей формальную логику умозаключений либо равной им; 3) наличие единой текстологической базы - «Канона Перемен», позволяет рассматривать мантический ритуал *ши* в контексте формальной методологии классической китайской философии и культуры, что существенно облегчает задачу, ибо в истории философии вопрос о специфике классической китайской философии достаточно хорошо изучен.

Использование в диссертации материала различных культурных и философских традиций означает применение в гносеологии компаративного метода. Несмотря на ряд возникающих при этом проблем, обращение к компаративизму позволяет придать выводам диссертации достаточно высокую степень общности и обоснованности, а потому вполне оправдано.

Вторая глава - «Генезис идеи ноуменального в Европе» - состоит из трех параграфов: §1. «От идеи числовой гармонии сущего к разделению реальности на *phaenomena* и *noumena*»; §2. «Мистицизм о пути души к Богу»; §3. «Мистическое и бессознательное».

Исследование этого аспекта проблемы позволяет утверждать, что разделение реальности на *phaenomena* и *noumena* не имманентно европейской философии и культуре. Напротив, оно имеет исторический характер, что заметно при изучении генезиса религиозной и философской мысли.

Формирование представлений о трех типах ноуменальных объектов в

основном завершилось к концу 13 века. Идеологической средой, где этот процесс получил свое наиболее яркое и законченное воплощение, стала рационалистическая теология западноевропейской версии христианства.

Параллельно концептуальному оформлению идеи трансцендентности Абсолюта и производных от его воли в разном сущностном мире под про-

ным способом реализации идей - мистическая практика достижения непосредственного единства с Абсолютом. В европейской традиции именно ее следует рассматривать в качестве конкретно-исторической формы осуществления имманентного человеческой природе стремления к преодолению отчуждения между разумом и природой, душой и телом, способом ликвидации двойственности субъекта. Христианский мистицизм европейского средневековья не был единственным существовавшим в то время путем достижения названной цели, но только он решал проблему познания в русле традиционного для европейской культуры стиля мышления.

Если в философии Платона и Аристотеля материя и идея являлись независимыми первоначалами и субстанциальная основа мира оказывалась двойственной, то в христианской теологии единственной причиной, субстанцией, сущностью, существо которой совпадает с существованием, считается Бог. Для христианской теологии европейского средневековья характерен тезис о субстанциальном единстве мира: Бог - субстанция, природа - акциденция. Эта идея лежит в основе мистицизма, поскольку допускает возможность снятия «тварного» в процессе мистической практики и возвращении твари к Творцу.

Теоретическим основанием мистической практики являются идеи: а) о богоподобии души и возможности ее единства с Богом; б) об одновременной имманентности и трансцендентности субъекту высшего сакрального объекта, что снимает оппозицию внутреннее/внешнее и позволяет поместить Бога-Творца в глубины самости индивида; в) о производимости в акте творения мира пространственно-временного континуума, а также о вечности как вневременном способе существования души и Бога.

Разведенные теологической рефлексией в качестве субъекта и объекта душа и Бог соединяются мистической практикой в неразличимое тождество: душа, пришедшая к единству с Богом, сама становится творцом мира и господином Вселенной. Здесь каждая из сторон отношения, сохраняя свою безусловную индивидуальность, оказывается одним из двух моментов целого. Неслиянное тождество души и Бога есть противоречие, объясняемое

недоступностью сферы божественного ограниченному рассудку субъекта. Сверхъестественное находится за пределами разума, оно сверхрационально. Наиболее существенными факторами, влияющими на успех мистической практики, обычно считаются воля Бога и любовь верующего к нему. А поскольку любовь к Богу принципиально отлична от любви чувственной, «мирской», то она лишена субстратной компоненты и, подобно воле, имеет энергийный характер.

Одним из наиболее существенных результатов компаративных исследований созерцательных мистических практик Востока и Запада признается установление близости их психотехник. Генеральное направление при движении от феноменальных к трансцендентальным структурам личности заключается в последовательном отвлечении от комплекса чувственных и рациональных структур ментальности и сосредоточении внимания адепта на объекте мистической практики. Сам этот процесс в современной науке и философии часто называется термином «трансцендирование» и представляет собой реальный, а не иллюзорный факт «внутренней» жизни субъекта, что подтверждается и научными данными, и обширной письменной традицией.

Считается, что объект мистической практики расположен в бессознательном - сфере реальности, имеющей предельно широкий спектр толкований (от ментальности (психоанализ) до базовых структур Универсума (Э.фон Гартман). Вместе с тем, общим местом наиболее влиятельных психологических и философских концепций бессознательного является полагание его составной частью микрокосма. Бессознательное имманентно нашему существу и природе и представляет собой, помимо вытесненных содержаний ментальности, некоторые врожденные психические структуры личности, сравнимые по своему онтологическому статусу со способностью познания, волей и категорическим нравственным повелением, - которые сами могут рассматриваться в качестве составных частей трансцендентального субъекта. Наряду с генотипом эти структуры формируют особенности

вида Homo Sapiens, и продвижение к расположенным в глубинах бессознательного объектам является постижением основ природы нашего Я.

Трансцендирование является способом познания, осуществляемом без посредства научных приборов и иных вспомогательных средств, лишь силой воли, направляющей центр внимания личности в ее собственную глубину. Объектом познания становится сам субъект и разделение между ними исчезает. В контексте разделения форм познания на рефлексивные и нерефлексивные это означает, что трансцендирование есть общее название способа преодоления субъектом пропасти между *phaenomenon* и *nooumenon*. Как метод познания трансцендирование принципиально отлично от рефлексии: оно есть сосредоточение бессознательное, в то время как рефлексия - сосредоточение сознательное. Важнейшим условием бессознательного сосредоточения признается достижение специфических состояний сознания, нейтрализующих комплекс осознанных представлений. Достигаемые в процессе трансцендирования структуры личности имеют универсальный характер, о чем свидетельствует распространенность отражающей их символики в различных традициях мира.

В контексте основной проблемы диссертационного исследования описанные У.Джемсом признаки мистических состояний следует толковать в качестве конкретизации нерефлексивного. Однако не все из них могут быть признаны таковыми. Так, например, *кратковременность* мистических состояний можно признать аутентичной в отношении к линейному времени внешнего наблюдения, но эта характеристика теряет смысл, когда принимается во внимание иное измерение времени - вечность - в которое погружается мистик. Тем более, что ему самому пребывание в мистическом трансе кратким не кажется. *Неизреченность* мистических состояний не синонимична невыразимости, поскольку способом их манифестации является символ. *Интуитивность* указывает на доминирующий способ получения информации. а под бездейтельностью воли следует понимать состояние субъекта на конечной стадии процесса, поскольку путь к спонтан-

ности, отказ от феноменального требует, напротив, значительного напряжения и немалых усилий.

Общим итогом второй главы является определение мистицизма вообще и христианского мистицизма европейского средневековья, в частности, в качестве нерелексивной формы познания, направленной на постижение субъектом глубин своего Я или, по выражению И.Канта, трансцендентального субъекта. Успех мистической практики означает нейтрализацию субъект-объектных отношений и решение основного вопроса гносеологии.

Третья глава - «Пра-логическое и нерелексивное» - состоит из двух параграфов: §1. - «Специфика первобытной рефлексии»; §2. - «Магия «примитивных» культур».

Следует признать, что выдвинутая на рубеже 19 - 20 веков В.Вундтом идея мифологической апперцепции как свойственного представителям примитивных культур способа организации внутреннего и внешнего опыта в форме представлений показала свою жизнеспособность, свидетельством чего являются многочисленные примеры совмещения в представлениях и различных формах их манифестации (троп, символ, знак), чувственного и сверхчувственного компонентов. Их соединение носит синтетический и по большей части нерасчленимый характер. То, что в пользу истинности выдвинутой Вундтом идеи прямо или косвенно свидетельствуют теории, в других пунктах расходящиеся между собой, еще больше убеждает в ее достоверности. Высокая степень воздействия эмоциональных состояний личности на организацию ее менталитета сейчас уже достаточно очевидна. Неэмоциональная организация интеллекта возможна лишь в абстракции или в ЭВМ (искусственный интеллект). Весомым доказательством влияния эмоций на формирование картины мира является антропоморфизм. Некоторое время назад идея антропоморфизма занимала одно из самых видных мест в религиоведении, этнологии и философии. В подавляющем большинстве случаев комплекс реальных взаимосвязей человека с природой игнорировался и антропоморфизм толковался как заблуждение, свойственное человечеству на ранних этапах развития культуры. За последнее время подход к

антропоморфизму несколько изменился и современные исследователи более склонны к выделению в нем имеющихся реалий. Так, например, сравнительно недавно проведенные исследования показали, что одним из самых существенных мотивов антропоморфизации является выполнение природными объектами функций, обычно принадлежащих человеку. Ни о какой иллюзии или фантазирования в данном случае не может быть и речи, ибо природный объект реально выполняет функции субъекта отношения, вторая сторона которого не туземец или первобытный дикарь, а наш современник. И если цивилизованному человеку, насквозь проникнутому духом техногенной культуры, свойственно очеловечивать домашних животных, то тем более это относится к представителям примитивных обществ. При определенных условиях самые разные предметы могут выполнять функции субъекта общения, что является одним из оснований их антропоморфизации. В целом можно сказать, что конструктивная черта антропоморфизма заключается в отражении подобия структур, законов и способов функционирования социума, микро- и макрокосмов.

Сейчас уже достаточно ясно, что в первобытном мышлении имеются и те компоненты, которые были названы Леви-Брюлем пра-логическими, и те, которые соответствуют сформулированным Ж. Пиаже критериям интеллекта и могут быть описаны законами формальной логики. Многочисленные дискуссии в этой сфере вызваны в первую очередь чрезвычайной сложностью их дифференциации, определением доминанты и неодинаковой степенью участия в различных видах деятельности. В основе их синтеза находится мифологическая апперцепция, имеющая «сама по себе» имманентный и трансцендентальный характер. В свою очередь мифологическая апперцепция обусловлена единством психофизических свойств личности.

На уровне макрокосма психофизической целостности личности соответствует генетическое единство Универсума (все сущее имеет общих предков). Устойчивость этому единству придают не только кровнородственные связи, но также универсальная энергетическая основа мироздания,

имеющая в разных культурах различное имя, а в науке обычно обозначаемая термином «мистическая сила».

Изменение предметов посредством мистической силы является основной целью первобытной магии — нерефлексивной формы познания, зафиксированной в мифах и передающейся учителем ученику в процессе личного общения. Магический ритуал полифункционален. Он включает в себя следующие основные компоненты: 1) непосредственную цель исполнителя ритуала; 2) его действия (жесты, телодвижения, мимику и т.д.); 3) слова, которые очень часто облачаются в стихотворную форму и исполняются в виде пения; 4) музыку, сопровождавшую пение и танец; 5) специально подготовленное для ритуала место; 6) особое время; 7) объекты, через по-

средство которых осуществляется контакт со сверхъестественными силами и существами. Помимо этого ритуал включает: 8) латентный смысл, находящийся на грани сознания субъекта, но способный быть полностью осознанным; 9) непроявленный смысл, полностью бессознательный и относящийся к базовому инфантильному опыту, общему для всех человеческих существ. А поскольку сакральный характер ритуала не может оставить незадействованной эмоциональную сферу личности, то этот элемент является по счету десятым.

Целостность ритуала, невозможного при отсутствии любого из названных компонентов, свидетельствует о наличии у первобытного общества

невозможно без другого и чрезвычайно трудно провести грань, отделяющую их друг от друга. Достижение в ритуале психофизической целостности достигается с помощью различных средств, снимающих противоречие между осознанным и бессознательным, ментальным и телесным. Наиболее распространенными из них являются психоделики, аскеза, музыка, пение, танец. Непосредственное проникновение к объекту означает, что в магическом ритуале исчезает его противопоставленность субъекту и постижение носит не рефлексивный, а интуитивный характер. О снятии противоположности субъект-объектных отношений свидетельствует также отождествление субъекта (шамана) с тем природным или мифологическим персонажем, в который он превращается. В результате этого превращения шаман не мыслит себя как нечто иное по сравнению с объектом своего воплощения, он *становится* демоном или зверем, не противопоставляя свое человеческое «Я» образу воплощения. Рефлексия исчезает, а вместе с ней исчезает и разделение мира на объект и субъект познания. Некоторые аспекты шаманизма выходят за пределы науки и психотехники. Для их объяснения необходимо предположение существования некоторой части реальности, находящейся вне зоны досягаемости рационализма, но доступной шаману.

Проявившаяся на протяжении античности, средневековья, Нового и Новейшего времени жизнеспособность магических техник и представлений свидетельствует о правомерности тезиса Малиновского, считавшего магию особым свойством человеческой личности. Магия имманентна нашему существу и природе и есть особый способ отношения человека к миру. Она направлена на определенную часть реальности и деградирует в процессе становления цивилизации. Основными факторами ее минимизации явились обособление самосознания, эволюция общества по направлению к усилению социальных связей, увеличение роли искусственных орудий труда, поставленных человеком между ним самим и объектом природы.

Общей чертой первобытных культур являются представления о единстве пространственно-временного континуума, и, как следствие, общности их свойств. На ранних этапах развития общества функционируют два типа

представлений о времени. Первый из них - линейный, или исторический, является подчиненным и соответствует логической компоненте сознания, также занимающей подчиненное по отношению к пра-логическому положение. В этой сфере истолкование причинно-следственных связей обусловлено законом противоречия. Второй образ времени - циклический, или мифологический, доминирует и соотносится с пра-логическим типом мышления. Он находится за пределами логики и принципов организации интеллекта, предполагает обратимость времени, возможность его прекращения и возрождения вместе со смертью и возрождением Космоса. Очевидно, что доминанта циклических представлений основана на высокой степени зависимости человека от природы, где существование циклов наглядно и убедительно. В основе линейности находится единство самосознания и целостность личности на всем протяжении жизни человека. Подчиненный характер линейности вытекает из высокой степени зависимости личности от общества, а общества, - от природы. Поскольку историческое (профанное) восприятие времени функционирует на уровне сознания, а мифическое (сакральное) - в бессознательном, то следует говорить о специфике этих двух форм времени применительно к структуре нашего Я.

В первобытной культуре хорошо прослеживаются две универсалии, которые, следуя традиционной для европейской культуры схеме, можно назвать «феноменальной» и «трансцендентальной». На одном полюсе (микрокосм) они объединены синтезом мифологической апперцепции и целостностью Я, на другом (макрокосм) - единством Универсума. Их отношение «по вертикали» характеризуется противоречивостью, «по горизонтали» - соответствием. Представленные в виде таблицы, узловые пункты названных универсалий выглядят следующим образом:

уровни	образ времени	структура личности	развитие общества	формы познания
Феноменальный	линейность, непрерывность	осознанное	история	Рефлексивные (логика «бриколажа»)
Трансцендентальный	Цикличность, дискретность	бессознательное	мифология	нерефлексивные (магический ритуал)

Соотнесение специфики магии с уже установленными и предполагаемыми признаками НФП дает основание для следующих выводов. Во-первых, средством манифестации магических состояний являются символ, знак и троп, а потому они выражаемы. Во-вторых, длительность магических ритуалов различна, и кратковременность не может быть характерным признаком этой НФП. В-третьих, безусловными признаками шаманизма являются полная или частичная контролируемость действий в «ином мире», что свидетельствует об исключительно важном значении воли. В-четвертых, достигаемое в магическом ритуале знание интуитивно, и хотя в традиционных культурах ему обычно предшествует усвоение заданных мифологней схем, зависимость от интериоризированной информации невелика, о чем свидетельствует близость опыта трансперсональных переживаний представителей техногенной цивилизации опыту шамана.

Четвертая глава - «Нерефлексивная форма прогностики (китайский оракул)» - состоит из двух параграфов: §1. - «Мантическая традиция в Китае: эпоха древности и средневековья»; §2. - «Единство Универсума. Всеобщность перемен».

В системе классической китайской философии и культуры методология «Чжоу ю» универсальна. На ней основаны музыка, медицина, философия, наука и прочие сферы духовной, интеллектуальной и практической деятельности. Установлено, что среди них мантический аспект «Книги Перемен», во-первых, является самым ранним, во-вторых, в Китае степень достоверности рефлексивных (наука и т.д.) и нерефлексивных форм познания (мантика) традиционно считалась сопоставимой. В сфере прогностики

это проявляется в правилах принятия правителем решений, зафиксированных в одном из текстов конфуцианского канона. В-третьих, он (мантический аспект) является вполне устойчивым к веяниям времени и способным к адаптации в неавтохтонных культурах, примером чего служит широкое распространение мантического ритуала *ши* по всему миру. Это свидетельствует о равенстве мантического аспекта культуры другим.

Более чем двухтысячелетние исследования мантической стороны канона показали принципиальную невозможность формализации ни одного из имеющихся в нем уровней, что свидетельствует о неререфлексивном характере канонического расположения гексаграмм, парафраз к ним, способа построения гексаграммы и ее интерпретации.

Несмотря на позднейшие модификации, на всем протяжении существования мантической операции *ши* основную роль в составлении результирующего заключения имела интерпретация графических образов гексаграмм прорицателем, которым и устанавливалась связь между событиями, графическими образами гексаграмм и афоризмами «И Цзин». Поскольку формальные принципы не имели существенно значения, то суждение было преимущественно интуитивным, также как совершенно случайна и непредсказуема комбинация составляющих гексаграмму графем. В данном случае вневременной характер гексаграмм канона, - время и способ их происхождения до сих пор не известны, - вступал в контакт с событиями, существующими во времени. А поскольку результирующее заключение часто соответствовало последующему развитию событий, то между ними следует предполагать наличие устойчивой связи. Так, например, психологическая ситуация, по словам К.Г. Юнга, может выражаться в случайном распределении 49 стеблей тысячелистника настолько полно, что становится очевидной даже смысловая взаимосвязь.

Основания этой связи классическая китайская и современная европейская философии усматривают на четырех основных уровнях: субстанциональном, структурном, темпоральном и личностном. На *субстанциональном* уровне все вещи Универсума (помимо воли, способности суждения и нрав-

ственного императива) объединены общей субстратной основой - *ци*, а также ее первичными модификациями - элементами системы *у син*. На *структурном* уровне связь осуществляется тотальностью диады *инь-ян*, пронизывающей многообразие эмпирического и являющейся основой триграмм и гексаграмм канона. На *темпоральном* уровне связь между гексаграммами и событиями возможна благодаря единству линейных и циклических представлений о времени, среди которых, по чуть ли не единодушному признанию исследователей, цикличности принадлежит ведущее место. На *личностном* уровне связь устанавливается посредством двух имманентных свойств личности: способности суждения и воли. В классической китайской философии и культуре все эти направления синтезированы в ключевом тезисе о единстве микро- и макрокосмов.

На *языковом и знаковом* уровне этот феномен реализуется в символическом характере классической китайской философии (иероглифика, центральная роль систем *ба гуа* и *у син*, оппозиций *инь-ян*), а на логическом - в специфическом толковании противоречия, когда отсутствует идея контрадикторности и отношения между противоположностями не предполагают их взаимоотрицания, что на уровне бинарных оппозиций проявляется в принципах сосуществования и взаимопроникновения *инь-ян*.

В традиционной *китайской* культуре базовое противоречие между *инь* и *ян*, пронизывающее своими модификациями всю тьму вещей Универсума (*ян* - светлое, сухое, твердое, мужское, Небо; *инь* - темное, влажное, мягкое, женское, Земля, и т.д. до числа 11520), разрешалось: в области этики и социологии - существованием учения о *середине*, на которое должен ориентироваться благородный муж и которому следовали совершенномудрые; в формальной методологии - доминирующей во всех областях культуры идеей *центра*: «Поднебесная» называлась срединным государством, центральное поле в стандартном девятиклеточном квадрате считалось главным и заполнялось наиболее значимыми элементами, третья нота пентатоники - *гун* была среди всех прочих главной и т.д.

Традиционные представления о времени предполагали неоднородный, разнокачественный характер различных его периодов. Во времени имелись благоприятные и неблагоприятные моменты, определение которых и являлось основной задачей мантического ритуала *ши*. Определение благоприятного момента времени играло важную роль и в назначении сроков гадания: считалось, что «удачный» день и час является залогом благоприятного прогноза, и наоборот. Благоприятным или неблагоприятным был, как правило, период времени не «сам по себе», а в отношении к конкретному ритуалу, который соотносился со стражами (двухчасиями) суток, днями месяца по лунному календарю, годами двенадцати- и шестидесятилетнего циклов. В классической операции со стеблями тысячелистника эти факторы оставлялись без внимания, в некоторых более поздних системах неизменно учитывались.

В мантическом ритуале *ши* временные параметры неразрывно связаны с пространственными, о чем свидетельствуют: а) способ классификации, б) связь мантики с астрологией, в) взаимозависимость даты и места гадания, г) выражение триграммами и гексаграммами и временных и пространственных свойств Универсума, д) связь даты рождения человека со знаками Зодиака.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что наряду с магией и мистицизмом существо мантического ритуала находится за пределами рациональности, в сфере нерелексивного. Генеральным способом получения информации для результирующего заключения в мантике является интуиция, а формой манифестации знания является символика триграмм и гексаграмм и метафоры парафраз канона.

Пятая глава - «Современные основания достоверности НФП» - состоит из двух параграфов: §1. - «Естествознание о предельных основаниях сущего»; §2. - «Концепции детерминизма и идея гармонии».

Сейчас известно, что микро-, макро-, и мегамиры функционируют по неодинаковым принципам, отраженным в постулатах и теоремах квантовой и классической физики, а также теории относительности, выводы и основ-

ные положения которых «работают» в соответствующих сферах природы. Это влечет за собой следующие выводы. Во-первых, необходимо расширительное истолкование самой категории «реальность», диапазон значений которой уже нельзя ограничить жесткими рамками ньютоно-картезианской парадигмы. Во-вторых, в современной физической картине мира есть место для самых разных концепций пространственно-временных отношений, предполагающих, в частности, существование на определенном уровне организации Универсума и при определенных условиях единого пространственно-временного континуума, феномена обратимости времени. В-третьих, обязательная для классической науки противопоставленность субъекта и объекта в процессе познания, в физике микромира теряет смысл, поскольку о свойствах наблюдаемого объекта нельзя говорить, отвлекаясь от способа наблюдения.

Многообразие представлений о времени соответствует многообразию его модификаций. Все они (модификации) априорны субъекту в той мере, в коей имманентны Универсуму. И если различные уровни организации Вселенной функционируют по различным временным законам, то нет существенных оснований для полагания противной ситуации в отношении человека. На макроуровне организации телесности субъекта несомненно доминирует линейность, на микроуровне существуют феномены обратимости и цикличности времени. С другой стороны, принципиальное отличие нашего существа от иных тел, заключающееся в наличии сознания и воли, позволяет посредством волевого акта управлять телом, активизировать тот или иной уровень его структуры, преобразовывать их и тем самым переводить из одного временного состояния в другое. В этом смысле, магия - актуализация врожденной способности человека к произвольной модификации телесности по заранее установленным схемам.

Ближайшим следствием релятивизма в физике стало новое осмысление закона причинности, традиционной логики и диалектики. Одним из наиболее существенных изменений, произошедших в данной сфере, является формирование неклассических направлений, удовлетворяющих по-

требности современной науки и соответствующих предельно широкой концепции реальности. Рассудок применяет временной ряд к явлениям, следовательно, именно в нем, а не в гипотетическом пространстве пошпепа находится исток каузальности. Поэтому вряд ли будет особенно натянутым предположение о том, что изменение состояния сознания, которое в свое время было названо Ч.Тартом «базовым» влечет за собой модификацию существа причинно-следственных связей. Отсюда следует, что если линейное время не является универсальной формой бытия, а функционирует лишь на определенных уровнях организации Универсума, и имманентно нашему существу и природе только в некотором ограниченном диапазоне их спектра, то при выходе за его рамки причинно-следственные связи становятся отличными от тех, которые фиксируются комплексом формально-логических положений.

И если в основании логики находится закон причинности (а это именно так и есть), то изменение представлений о нем является основой пересмотра части производной конструкции, что в данном случае означает ограничение сферы действия важнейшего из четырех основных законов формальной логики - закона противоречия.

Реальность едина, а противоречие имеет универсальный характер лишь в отношении к сознанию. Наряду с тотальностью противоречия, пронизывающего все известные науке формы культуры, универсально также стремление к его снятию путем гармонизации противоположностей, пронизывающее историю цивилизации с глубокой древности до наших дней.

Информация, полученная современной наукой о глубинах микро- и макрокосма по ряду позиций, соответствует комплексу традиционных и мифологических представлений. Поэтому знание, получаемое в результате нерелексивных форм познания, вполне может быть признано истинным в той мере, в коей оно соответствует своему предмету, т.е. феноменам, лежащим за пределами достижимости логических структур ментальности.

В целом, соединение представлений физики и психологии о принципах организации микро- и макрокосма в отношении к НФП позволяет утверждать следующее.

Целенаправленное погружение в глубины психики, а также переход от БСС к ИСС с помощью различных дестабилизирующих факторов открывают наблюдению картины, находящиеся за пределами непосредственного восприятия, а потому необычные. Ряд этих представлений и их универсализм объясняется существованием врожденных психических структур личности - архетипов коллективного бессознательного, другие - комплексом вытесненных содержаний ментальности, третьи - опытом внутриутробной жизни и рождения.

Некоторая часть феноменов внутреннего мира интериоризируется в восприятии мифологем, эффективность воздействия которых объясняется высокой социальной значимостью мифа и эмоциональным к нему отношением. Такие сюжеты тоже могут носить архетипический характер, но в этом случае достигается не «первоисточнику», а близкая к оригиналу копия.

Эффективность первобытной магии и древнекитайской мантики имеет не только психологическое, но и естественнонаучное обоснование. Реальность многомерна, и воспринимаемый нашими чувствами макромир составляет лишь небольшую ее часть. Остальное скрыто от непосредственного восприятия, но тем не менее существует. Все в мире взаимосвязано и поэтому воздействие на «невидимое» влечет за собой изменение «наблюдаемого». В этом смысле магию можно рассматривать как комплекс средств воздействия на макротела через их невидимую основу. И поскольку природные связи отличаются устойчивостью, а процессы, в том числе и эффект воздействия на них, - повторяемостью, то магические способы воз-

действия на предметы закреплялись в опыте поколений и передавались по наследству. С другой стороны, комплексный характер магических дейст-

преодоление классической парадигмы позволило по-новому взглянуть на эти предметы.

Составляющее Универсум единство поля и вещества неразделимо. Оно не существует без другого, и воздействие на энергетическую основу

предмета влечет за собой изменение его телесной формы и свойств. Это не противоречит ни первобытным, ни древнекитайским, ни христианским представлениям, каждое из которых полагало основой мироздания различные модификации энергетического компонента (*мана, ци, воля Бога*).

В отличие от неодушевленных тел материального мира человек обладает способностью посредством воли управлять и энергией собственного Я, и, непосредственно или опосредованно, - энергией находящихся вне его существа объектов.

Одной из наиболее существенных характеристик доиндустриальной эпохи был низкий уровень развития орудий труда - средств, помещаемых человеком между собой и объектом воздействия. Поэтому немаловажным способом влияния на окружающий мир являлась магия, минимизирующая механический контакт и максимально использующая имманентное свойство личности к управлению энергией.

В «Заключении» подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения проблемы.

Основные результаты исследования отражены в публикациях:

1. Нереплексивные формы познания: Монография. - М.: «Прометей», 1997. - 86 с. - 11,7 п.л.
2. Генезис проблемы познания в Европе: античность и средние века/ Ученые труды Дальневосточной Академии управления, бизнеса и права и

4. Нерелексивные формы познания и проблема разделения всех вещей на *phainomena* и *nooumena* / Человек -Философия- Гуманизм: Тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса (4-7 июня 1997 г.). В семи томах. Том 3. Онтология, гносеология, логика и аналитическая философия. - СПб.: Издательство СПбГУ, 1997. - С.397-400. - 0,2 п.л.
5. Влияние представлений о субстанции на генезис проблемы познания: античность и средние века / Традиционная культура народов Западной Европы: античность и средневековье. - Благовещенск, Издательство БГПИ, 1996. - С.103-119. - 0,5 п.л.
6. Два способа постижения Универсума в первобытной культуре / Ученые труды Дальневосточной Академии управления, бизнеса и права и ДФ ВАВТ: Выпуск второй. - Петропавловск-Камчатский, Издательство КГПИ, 1996. - С.63-108. - 2,9 п.л.
7. Дихотомия идеальное-материальное в ее отношении к проблеме субстанции/ Ученые труды ДВО ВАВТ: Выпуск первый. - Петропавловск-Камчатский, Издательство КГПИ, 1996. - С.4-30. - 1,25 п.л.
8. Бог, душа и логика их мистической интерпретации / Доклады межвузовской научно-теоретической конференции. В 2 частях. Часть 2. - Петропавловск-Камчатский, Издательство КГПИ, 1995. - С.45-53. - 0,5 п.л.
9. Представления о первооснове сущего в первобытном мышлении, классической китайской и античной философии в свете некоторых данных современного естествознания / Традиционная культура Востока Азии: археология и культурная антропология. - Благовещенск, 1995. - С.182-190. - 0,5 п.л.
10. Бытие и ничто: историко-философский и естественнонаучный аспекты проблемы субстанции/ Тезисы докладов научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава и сотрудников ПКВМУ. - Петропавловск-Камчатский, Издательство ПКВМУ, 1995. - С.6-8. - 0,1 п.л.

11. Религия и самопознание / Познание и его возможности: Тезисы международной научно-методической конференции. - Москва, 1994. - С.157-158. - 0,1 п.л.
12. Философия мистики: реальность и человек в трудах последователей Канта / Доклады межвузовской научно-теоретической конференции. В двух частях. Часть 1. - Петропавловск-Камчатский, Издательство КГПИ, 1994. - С.25-33. - 0,8 п.л.
13. Неностижимость души и стремление к счастью/ Доклады межвузовской научно-теоретической конференции. В двух частях. Часть 1.- Петропавловск-Камчатский, Издательство КГПИ, 1994. - С.37-39. - 0,15 п.л.
14. Об ограниченности принципа самопротиворечивости/ Доклады межвузовской научно-теоретической конференции. - Петропавловск-Камчатский, Издательство КГПИ, 1993. - С.129-131. - 0,3 п.л.
15. Первая рефлексия: к проблеме религиозного способа самопознания/ Деп. В ИНИОН РАН № 46170. - Москва, 1992. - 21 с. - 0,9 п.л. Сведения о статье опубликованы в реферативном журнале «Философия и социология», № 6-7 за 1992 год (позиция № 692 , 02/920003956).
16. К проблеме истины в религиозном знании/ Атеизм, религия, культура, личность: Тезисы докладов республиканской научно-теоретической конференции. - Уфа, 1990. - С.25. - 0,05 п.л.

Общий объем публикаций по теме диссертации - 24,65 п.л.